

ПО ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ.

Знакомая всѣмъ петербуржцамъ, переѣзжающимъ границу послѣдняя станція Сѣверо-Западной дороги Вержболово расположена въ небольшомъ, почти не освѣщаемомъ посадѣ Кибарты съ деревянными домами, съ грязными немощеными улицами, какъ будто для того, чтобы еще рѣзче подчеркнуть разницу между нимъ и приграничнымъ прусскимъ мѣстечкомъ Эйдкуненомъ.

Длинное казарменнаго типа зданіе Вержболовскаго вокзала съ широкою платформою вокругъ, покрытой гуляющей публикой, среди которой мелькаетъ масса чиновниковъ въ формахъ различныхъ вѣдомствъ, этимъ самымъ указываетъ на большое значеніе этого пункта.

Со всѣхъ сторонъ слышится разговоръ на польскомъ, литовскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, на которыхъ объясняется большинство служащихъ и ихъ семьи, принадлежащія къ этимъ національностямъ. Русскій говоръ врывается иногда, какъ диссонансъ, въ это море чуждыхъ словъ. Изъ всей массы чиновниковъ на немъ говорятъ постоянно лишь немногіе уроженцы внутреннихъ губерній да артельщики московской артели.

Рядомъ съ вокзаломъ среди зелени виднѣется небольшая православная церковь, переполненная молящимися, но здѣсь тотъ же видъ: простонародье, артельщики, военные; верхи же служащихъ отсутствуютъ — они лютеране, католики, реформаты.

Масса евреевъ покрываетъ тротуары улицъ, по которымъ непрерывное движеніе за границу и изъ-за границы.

Въ окрестностяхъ много имѣній, но помѣщики нѣмцы или поляки, а крестьяне окрестныхъ деревень и фольварковъ сплошь литовцы.

Край чужой по внѣшности—не русскій!

Мѣстный настоятель С., молодой, энергичный академикъ, только руками разводитъ, хлопоча объ устройствѣ братства при церкви. «Господа офицеры, нѣсколько чиновниковъ и простонародье, больше никого не привлечешь», сообщаетъ онъ, сокрушенно вздыхая. «Всѣ остальные лютеране, католики, евреи, а русскихъ изъ интеллигенціи мало».

Вглядѣвшись въ мѣстную жизнь, приходится съ нимъ согласиться: на почтѣ большинство чиновниковъ католики, нѣмцы и женаты на нѣмкахъ. Въ таможенѣ польскій элементъ представляетъ собою сплоченный кружокъ, имѣя большинство состава. На желѣзной дорогѣ составъ нѣмецко-польскій.

Послѣдній домъ къ границѣ—старый деревянный, въ которомъ помѣщается таможенный переходный пунктъ, и деревянный же старый мостъ черезъ пограничную рѣчку Липоку, оставляющій послѣднее крайне неблагопріятное впечатлѣніе.

И передъ глазами открывается широкая улица, ведущая на главную площадь нѣмецкаго Эйдкунена.

Четырехъэтажные дома со всѣхъ сторонъ окружаютъ площадь и тянутся по прямымъ улицамъ. Огромныя зеркальныя витрины магазиновъ сразу поражаютъ своимъ видомъ. Выставки всѣхъ предметовъ дамскаго туалета—роскошныя платья, матеріи, красивыя бездѣлушки изъ фарфора и хрусталя—чередуются съ массою хозяйственныхъ вещей. Вывѣски банковъ, конторъ, промышленныхъ предприятий пестрятъ на стѣнахъ домовъ, построенныхъ на европейскій ладъ со всѣми удобствами. Мощенныя улицы, обсаженныя деревьями съ цвѣтниками и клумбами, блестятъ чистотой. Провода телефоновъ и электрическаго освѣщенія густо переплетаются по всѣмъ направленіямъ.

Вечеромъ вся площадь и магазины залиты электричествомъ.

Народная толпа, фланирующая по тротуарамъ около витринъ, создаетъ иллюзію большого города. Платья послѣдняго крика моды, дамскія шляпы всѣхъ фасоновъ, показываемыхъ лишь въ кинематографахъ, способны вызывать восхищеніе у самыхъ избалованныхъ модницъ.

— Не правда ли совершенно уголокъ Невскаго? останавливаетъ меня одинъ изъ знакомыхъ, указывая на красивый вечерній видъ улицъ. Зайдешь иногда сюда погулять и назадъ идти не хочется. Въдъ сразу послѣ такого освѣщенія, попадая на нашу сторону, погружаешься въ кромѣшную тьму, рискуя сломать голову или ногу на мосткахъ, изображающихъ тротуары.

Лишь вокзалъ освѣщенъ электричествомъ, да и то одна его половина мерцаетъ свѣтомъ керосиновыхъ лампъ въ помѣщеніяхъ.

Исключительно нѣмецкій говоръ слышится въ Эйдкуненѣ, какъ бы подчеркивая начало нѣмецкаго государства, въ которомъ нѣтъ мѣста другому говору.

— Какъ ни говорите, а въдъ Эйдкуненъ считается деревнею, обратилъ мое вниманіе докторъ Ш. Своему возвышенію обязанъ исключительно русскимъ деньгамъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ здѣсь было десятка полтора домовъ, а теперь десять тысячъ жителей. Торговый же оборотъ достигаетъ 12 милліоновъ рублей въ годъ.

— Да и кстати не упустите изъ виду, вмѣшался одинъ изъ спутниковъ, что, въ обходъ всякихъ законовъ, большинство русскихъ экспедиціонныхъ конторъ находится въ этомъ Эйдкуненѣ. А русскій податной инспекторъ лишь руками разводитъ, безсильный что-либо сдѣлать.

— Но какимъ же образомъ это происходитъ?

— Просто... Какъ и всякій обходъ закона. Каждый экспедиторъ въ Россіи въ таможенѣ ставитъ свой столъ, который и изображаетъ яко бы его контору. Казна же отъ этого терпитъ порядочные убытки.

Возникнувъ сравнительно недавно, Эйдкуненъ выросъ, какъ на дрожжахъ, пріютивъ у себя не только экспедиціонныя, но и эмиграціонную контору, дѣятельность которой, при помощи огромнаго количества агентовъ, распространилась почти на всю Европейскую Россію.

Сманивая легковѣрныхъ крестьянъ и ремесленниковъ обща-

ніями золотыхъ горъ въ Америкѣ, Аргентинѣ и Бразиліи, агенты этого общества снуютъ положительно во всѣхъ мѣстахъ. Доставляя также рабочихъ во всѣ имѣнія Германіи для земледѣльческихъ работъ, а также чернорабочихъ въ промышленныя и другія предпріятія, эмиграціонная контора работаетъ удивительно.

— Какимъ же путемъ достигается эмиграція такого огромнаго числа людей? невольно задалъ я вопросъ, услышавъ головокружительную годовую цифру эмигрантовъ изъ Россіи.

— Эта огромная организація имѣетъ по всѣмъ городамъ Россіи много своихъ агентовъ.

Желтаго цвѣта красивыя зданія почтамта и рядомъ съ ними вокзала выдѣляются своею свѣжестью. Отлично вымощеный тротуаръ выводитъ къ вокзальной платформѣ.

Мы беремъ билеты и быстро садимся въ поданный поѣздъ, черезъ нѣсколько минутъ отходящій безъ всякихъ звонковъ. Лишь громкій возгласъ кондуктора «Fertig» служитъ приказомъ машинисту.

Поѣздъ проходитъ по цѣлой сѣти станціонныхъ путей, по сторонамъ которыхъ мелькаютъ платформы и различныя сооруженія изъ желѣзо-бетона. Все въ образцовомъ порядкѣ и приспособлено къ удобству грузоотправителей и наилучшему размѣщенію грузовъ.

Длинная линія эйдкуненскихъ домовъ, протянувшихся версты на двѣ, оканчивается и начинаются обработанныя поля съ проведенными вездѣ сточными канавами, проволочными изгородами и обсаженными дорогами.

На удивленіе ровная, прямая шоссейная дорога протянулась, уходя въ даль. Обсаженное съ обѣихъ сторонъ деревьями шоссе развѣтвляется, соединяясь съ другими, которыя направляются къ лежащимъ по сторонамъ хуторамъ и селеніямъ.

Красныя кирпичныя домики съ черепичными крышами, построенныя по одному и тому же плану, съ одинаковыми надворными строеніями, раскинулись въ видѣ отдѣльныхъ хуторовъ по всѣмъ направленіямъ.

— Что это такое? задалъ я вопросъ пожилому толстому нѣмцу, сидящему напротивъ.

— Это новыя колоніи. Восточный прусскій банкъ продалъ огромное польское имѣніе нѣмецкимъ крестьянамъ на особо льгот-

ныхъ условіяхъ. Былъ польскій край, сталъ нѣмецкій, съ гордостью добавляетъ онъ, какъ будто вызывающе поематривая на типичнаго нѣмецкаго поляка-помѣщика, сосредоточенно курящаго сигару и прислушивающагося къ нашему разговору.

— Да, это къ несчастью здѣсь уже случилось, подтверждаетъ помѣщикъ, обращаясь ко мнѣ и совершенно игнорируя присутствие нѣмца. Онъ нравъ; здѣсь нѣтъ теперь поляковъ и на польской землѣ живутъ однѣ нѣмецкія свиньи, вполголоса, со злобою, по-польски оканчиваетъ онъ фразу.

Огромный винокуренный заводъ мелькаетъ въ сторонѣ, смѣная собою красивую кирку со школою и домомъ пастора. Столбы телефона протянулись по всѣмъ направленіямъ, соединяя между собою всѣ деревни и имѣнія.

— Какъ видите, сами мы много сдѣлали въ этомъ краѣ, съ гордостью снова продолжаетъ нѣмецъ. А вѣдь эта часть, т. е. вся Померанія и Восточная Пруссія, у насъ самыя дикія мѣста—вродѣ вашей Сибири, добавляетъ онъ, раскатиисто разсмѣявшись.

Вдали показываются постройки города Сталупяны или Сталупненень, какъ называютъ его нѣмцы, уничтожая всѣ польскія и литовскія названія.

Небольшой, но чистый городъ, съ широкими улицами и площадью, напоминаетъ нѣсколько центральныя части южно-русскихъ городо́въ. Широкія витрины магазиновъ, кондитерскія, рестораны мелькаютъ передъ нашими глазами, когда мы проѣзжаемъ черезъ Сталупненень въ нанятомъ на вокзалѣ автомобилѣ.

Бывшій когда-то польскій городъ утратилъ все польское и превратился въ нѣмецкій.

Нѣсколько солдатъ въ уланской формѣ съ любопытствомъ осматриваютъ незнакомую имъ форму русскихъ офицеровъ, но чести не отдаютъ.

Взводъ пѣхоты подъ командою офицера показывается на одной изъ улицъ и проходитъ мимо насъ довольно нестройною толпою безъ всякаго равненія. На перекресткѣ выдвигается изъ толпы толстая фигура, повидимому, штабъ-офицера. Командиръ взвода командуетъ «смирно», люди подтягиваются и, отбивая всей ступней шаги по мостовой, проходятъ нѣсколько шаговъ, сразу приобрѣтая видъ деревянныхъ солдатиковъ; но затѣмъ команда «вольно» и внѣшній видъ подтянутости исчезаетъ, а вмѣсто него оказывается беспорядочно идущая толпа въ военныхъ мундирахъ.

— Однако, гдѣ же эта хваленая нѣмецкая выправка? Вѣдь это куда непригляднѣе, чѣмъ наша мѣстная команда, удивляется ротмистръ Н. И это такъ все войска?

— Нѣтъ, гарнизоны большихъ городовъ гораздо болѣе подтянуты и сразу можно узнать по внѣшнему виду, гдѣ стоитъ полкъ, къ которому принадлежитъ солдатъ. Ну, а глухая провинція съ маленькими городишками, гдѣ расположены рота или много баталіонъ, выглядятъ иначе, отвѣтилъ Ш., отлично знающій Германію и, какъ нѣмецъ, симпатизирующій своимъ соплеменникамъ.

При выѣздѣ изъ города вырисовываются казармы уланскаго полка, окруженныя высокимъ заборомъ. Сквозь желѣзныя рѣшетчатыя ворота виднѣются уланы, одѣтые въ бѣлыя куртки и такіе же штаны, производящіе гимнастическія упражненія.

Главная цѣль нашей поѣздки—осмотръ знаменитаго королевскаго Тракененскаго коннаго завода, находящагося въ пятнадцати километрахъ отъ Сталуппенена.

Автомобиль, выйдя за городъ, на ровномъ совершенно прямомъ шоссе развиваетъ огромную скорость и несется такъ быстро, что едва успѣваешь разсмотрѣть открывающуюся картину.

Деревня съ хорошо построенными домами изъ краснаго кирпича съ массивною киркою посреди нихъ, почтою и большимъ домомъ, украшеннымъ вывѣскою Гастхауза—трактира для пріѣзжающихъ, вырисовывается передъ нами.

— Это деревня Донцкемень, начало Тракененскаго округа, кричитъ докторъ Ш., нагибаясь ко мнѣ. До Тракенена всего пять километровъ.

Темная полоса лѣса показывается съ правой стороны. Сосновый боръ, вычищенный, образцово содержанный, глухо шумитъ при порывахъ вѣтра. Прямая, какъ стрѣла, просѣка прорѣзываетъ лѣсъ. Столбы съ надписями указываютъ названіе участковъ и годъ посадки или вырубки ихъ. Аллея по сторонамъ дороги какъ будто сливается съ лѣсомъ. Затѣмъ начинаютъ показываться огромные, развѣсистые вѣсковые дубы, переходящіе въ обширный паркъ.

Впереди виднѣются капитальныя зданія конюшенъ—кирпичныхъ подъ черепичатой крышей, нѣкоторыя двухъ-этажныя. Среди зелени мелькаютъ красивые павильоны.

— Тракенень, киваетъ головой нѣмецъ-шоферъ и уменьшаетъ ходъ. Мы въѣжаемъ въ ворота внутрь широкаго двора, обсажен-

наго декоративными кустарниками съ разбитыми красивыми клумбами и куртинами. Влѣво, пересѣкая дорогу, выдвигается какая-то конная часть, идущая по-четыре.

Красивые вороные кони, въ числѣ болѣе пятидесяти, крупные, съ хорошо развитою мускулатурою, по своему еще не вполне сложившемуся виду указываютъ, что это молодяки 2—3-лѣтки.

Всадники, одѣтые въ сѣровато-желтыя куртки безъ погонь, бѣлыя рейтузы, высокіе сапоги со шпорами и военныя фуражки съ красными кантами, видимо собрали лошадей, увидѣвъ русскихъ офицеровъ.

— Проѣздка лошадей, отрывочно поясняетъ шоферъ, пользуясь остановкой и закуривая вновь огромную сигару. Впереди самъ начальникъ завода, добавляетъ онъ, указывая на ѣдущаго впереди молодого офицера, одѣтаго въ совершенно такой же костюмъ, какъ и рейткнехты, но съ офицерскою кокардою на фуражкѣ.

Мы всматриваемся въ красавцевъ коней, покрытыхъ грязью и пѣною, совершившихъ, новидимому, пробѣгъ на широкомъ аллюрѣ.

Двухъэтажный домъ старинной постройки, напоминающій по виду помѣщичьи дома въ Польшѣ, украшенъ большимъ вызолоченнымъ рогомъ лося—это гербъ и въ то же время тавро Тракененскаго завода, выставленное на окорокахъ лошадей, на всѣхъ предметахъ заводскаго обихода и даже на подковахъ, а также и носимый всѣми чинами завода на фуражкахъ.

По мѣстному обыкновенію, домъ, въ которомъ живетъ начальникъ Тракененскаго завода, носить громкое названіе замка.

Прямо передъ главнымъ входомъ на пьедесталѣ виднѣтся чугунная статуя лошади, въ половину натуральной величины—память одного изъ лучшихъ производителей завода.

При входѣ въ швейцарскую, за нами слѣдомъ, гремя шпорами, вбѣгаетъ уже видѣнный нами издали начальникъ завода.

— Ландъ-шталмейстеръ ротмистръ графъ Шпонекъ, называетъ онъ свою фамилію при нашемъ представленіи.

Узнавъ о цѣли нашего пріѣзда, графъ крайне любезно тотчасъ даетъ намъ разрѣшеніе на осмотръ всего завода и его отдѣленій, назначивъ въ то же время старожилу завода, чиновника, завѣдующаго продовольствіемъ лошадей, для нашего сопровожденія.

Старожиль, прослужившій на заводѣ почти 40 лѣтъ, живая его исторія. Отлично знающій конскій составъ и очень разговорчивый, онъ быстро входитъ въ свою роль, и мы, чтобы не терять

времени, тотчасъ же приступаемъ къ осмотру, засыпая нашего вожаго вопросами.

Основанный въ 1732 г. Тракененскій конный заводъ представляетъ собою огромное, почти въ 10.000 десятинъ, имѣнiе, причемъ всѣ лошади въ числѣ 1.440 головъ расположены въ пяти отдѣльныхъ фольваркахъ, а именно:

1) Тракенень—отъ 80 до 90 матокъ легкаго верхового сорта всѣхъ мастей, чистокровныя.

2) Вайргалленъ—отъ 60 до 70 матокъ всѣхъ мастей тяжелаго верхового сорта.

3) Гурдценъ—отъ 90 до 100 матокъ вороной масти, тяжелаго верхового сорта.

4) Донцкемень—отъ 70 до 80 кровныхъ матокъ, исключительно гнѣдыхъ, тяжелаго верхового сорта.

5) Юнашталь—отъ 50 до 60 кровныхъ матокъ, исключительно рыжей масти, тяжелаго верхового сорта.

Всего на всемъ заводѣ отъ 350 до 400 матокъ.

Расчищенные и усыпанные пескомъ широкія дорожки протянулись по парку, въ которомъ раскинулись строенія. Широкий прудъ съ рѣкою, протекавшей черезъ него, окаймленный деревьями, придавалъ особую прелесть всему виду.

Огромная, въ двѣнадцать отдѣленій, сообщающихся между собою и имѣющихъ рядъ широкихъ, отодвигающихся по стѣнѣ дверей на улицу, конюшня примыкала къ обширному открытому манежу, огороженному желѣзною рѣшеткою.

— Здѣсь стоятъ матки жеребыя, указалъ намъ нашъ проводникъ, открывая первое отдѣленіе. Ихъ всего около 150 штукъ. Обыкновенно онѣ ходятъ каждый день въ особыхъ огороженныхъ мѣстахъ.

Передъ нами открылось широкое помѣщеніе въ 20 арш. длины и ширины, въ которомъ находилось около 12 лошадей.

Разгуливая по толстой, постоянной соломенной подстилкѣ, виднѣлись красавицы всѣхъ мастей. Рослая, широкія, съ удивительно крѣпкими ногами и хорошо развитою мускулатурою, лошади отличались большою привычкою къ человѣку.

— 4 фунта овса и 15 фунтовъ сѣна въ день получаетъ каждая, поясняетъ чиновникъ, переходя въ слѣдующее отдѣленіе.

Вездѣ широкія, сдѣланные изъ цемента, ясли для корма, въ которыхъ лежатъ большіе куски бѣлой каменной соли.

Отлично содержанныя матки всѣхъ мастей любопытными глазами осматривали людей. Намъ указывали особенно интересные экземпляры, а также и обращалось вниманіе на особенно старыхъ матокъ, достигшихъ двадцати и болѣе лѣтъ отъ роду.

Переходя изъ одного отдѣленія въ другое, мы прошли ихъ всѣ, ознакомившись, такимъ образомъ, со всѣмъ составомъ матокъ; затѣмъ перешли въ стоявшую певдалекѣ конюшню производителей—жеребцовъ.

— Это старая конюшня на 24 жеребца; далѣе же, въ другомъ мѣстѣ есть только что выстроенная, но еще не занятая лошадьми. Самое старое зданіе, вѣроятно, помнитъ еще Наполеона.

Вѣдь во время войны 1812 г., Тракененскій заводъ пережилъ трудную пору, такъ какъ его вывели изъ этихъ мѣстъ, бывшихъ на пути слѣдованія великой арміи.

Вдоль длиннаго широкаго прохода съ обѣихъ сторонъ виднѣлись 24 денника, отдѣленныхъ другъ отъ друга и отъ коридора рѣшетками изъ толстыхъ желѣзныхъ параллельныхъ прутьевъ съ выдвигаемыми дверцами.

Фишеръ-Кнабе 12 лѣтъ, рыжій для легкихъ матокъ—1,64 метра; Помпъ караковый—15 лѣтъ, 1,63 метра; Редъ-Пренсъ 23 лѣтъ рыжій, замелькали передъ нашими глазами названія жеребцовъ, свободно разгуливающихъ по своимъ обширнымъ помѣщеніямъ.

Всѣ эти производители съ начала весны рассылаются въ окрестные районы къ помѣщикамъ и служатъ для улучшенія мѣстной породы. Въ обыкновенное время они получаютъ 4 фунта овса, а люцерны фунтовъ до двадцати, лѣтомъ же 10 фунтовъ овса. Надъ всѣми конюшнями есть особое отдѣленіе для фуража съ особыми элеваторами для его подъема и проведена вода. Освѣщеніе газовое.

Большей частью ширококорослые могучіе жеребцы со стальными ногами и безукоризненнымъ экстерьеромъ вызываютъ восхищеніе; въ то же время съ невольнымъ изумленіемъ мы останавливаемся передъ старымъ Редъ-Пренсомъ съ совершенно провалившейся спиною.

— Даетъ еще хорошихъ жеребятъ, говоритъ провіантмейстеръ, какъ будто стараясь отвлечь наше вниманіе. Старъ немного, но при помощи еще годится въ дѣло.

Цѣлый рядъ всякихъ хозяйственныхъ построекъ размѣстился

по сторонамъ широкой аллеи, а далѣе за ними видны красивые, почти одинаковые, домики служащихъ, съ палисадниками, клумбами и декоративными растеніями, красиво протянувшимися по сторонамъ широкихъ дорожекъ для ѣзды и для пѣшеходовъ.

Одноэтажное зданіе съ помѣщеніемъ для кузницы и большой комнатой съ конторою-музеемъ при ней было на очереди для осмотра. Ученый кузнецъ-мастеръ, любитель своего дѣла, показалъ намъ свое царство и, видимо, крайне польщенный похвалою образцовому его содержанію, быстро показалъ намъ свои огромныя коллекціи зубовъ отъ 1 до 30 лѣтъ, подковъ, различныхъ копытъ и инструментовъ, а затѣмъ, замѣтивъ особенный интересъ слушателей, предложилъ осмотрѣть и школы кузнецовъ съ большимъ собраніемъ всякихъ болѣзней конечностей: наkostenники, жабки, утолщенія самыхъ разнообразныхъ видовъ были собраны въ количествѣ, сдѣлавшемъ бы честь ветеринарному институту; препарированныя части лошади въ банкахъ съ формалиномъ давали отличное представленіе ученикамъ о строеніи ноги и копытъ лошади.

— Много ли бываетъ у васъ учениковъ и сколько времени продолжается изученіе? спросилъ ветеринарный врачъ.

— Пять-шесть учениковъ и учатся два года, пока не идутъ на экзамень.

Поблагодаривъ мастера и купивъ на память пресъ-папье, сдѣланное въ видѣ тавра завода, мы, порядочно уставши, направились къ расположенной въ центрѣ гостиницѣ съ рестораномъ.

Небольшая чистая зала съ конскими группами по стѣнамъ была уставлена столиками.

— Здѣсь почти всѣ чиновники завода, почты, учителя школы и пріѣзжающіе проводятъ время. Мы можемъ получить обѣдъ, вино и пиво, а также и купить открытки съ видами Тракенена, сообщилъ при входѣ бывавшій уже здѣсь докторъ Ш.

Привѣтливо выглядѣло все помѣщеніе, имѣвшее видъ скорѣе домашней столовой, а не ресторана.

Веселый разговорчивый хозяинъ не заставилъ себя просить и, пока мы насыщались поданнымъ обѣдомъ, онъ безъ умолку общалъ всѣ свѣдѣнія о жизни Тракенена, являющагося совершенно отдѣльнымъ маленькимъ государствомъ, внѣ власти мѣстной гражданской администраціи.

Была замѣтна у всѣхъ тракененцевъ особая любовь къ заводу и конскому дѣлу, что я и высказалъ хозяину.

— Да, это вѣрно, мы всѣ любимъ нашъ Тракененъ, подтвердилъ онъ, потому что вся жизнь его поселеній съ нимъ тѣсно связана. Земли завода раздаются въ аренду особымъ фермерамъ, живущимъ издавна на нихъ. Дѣти ихъ поступаютъ на заводъ мальчиками и служатъ на жалованьи при конюшняхъ, обучаясь въ заводской школѣ, а съ наступленіемъ 18 лѣтъ они поступаютъ вольноопредѣляющимися въ уланскій полкъ въ Сталуппененѣ; окончивъ свою службу, они снова возвращаются на заводъ и опять принимаются на хорошее жалованье служителями и наѣздниками. Со смертью же отцовъ къ нимъ переходитъ аренда земли. Разумѣется за это дѣло берутся лишь тѣ, кто чувствуетъ призваніе. Для больныхъ есть свой докторъ, больница, для умирающихъ свое кладбище, около нашей кирки. Здѣсь жили наши отцы и дѣды и поэтому немудрено, что у всѣхъ такая любовь къ Тракенену. Теперь это хорошо устроенное имѣніе и обработанныя земли, а мой дѣдъ еще помнитъ, когда вокругъ разстилались одни лѣса и болота и проѣхать до Тракенена было трудно, такъ какъ не было даже дороги.

Огромный, въ 50 сажень длины, манежъ для проѣздки лошадей въ дурную погоду съ массою свѣта расположенъ былъ рядомъ съ конюшней на восемьдесятъ трехлѣтокъ, съ просторными денниками, отдѣленными другъ отъ друга желѣзными рѣшетками, съ широкимъ коридоромъ посерединѣ. При входѣ въ манежъ въ идеальномъ порядкѣ развѣшаны были бичи и корды.

Человѣкъ 20 кнехтовъ занимались уборкой лошадей и старшій наѣздникъ сурово поторапливалъ запоздавшихъ. Шло замываніе ногъ и хвостовъ изъ проведеннаго въ конюшню водопровода, краны котораго впднѣлись въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Въ концѣ въ огромномъ цементномъ ящикѣ была вода для водопоая.

Переходя отъ одного коня къ другому, мы любовались молодыми красивыми жеребцами. Рыжія, вороныя, гнѣдыя 4, 5-ти вершковые лошади, вполне уже сложившіяся, были въ большинствѣ случаевъ безукоризненны и лишь у нѣкоторыхъ виднѣлись на ногахъ слѣды ушибовъ въ видѣ утолщеній и на костниковъ.

— Отчего это происходитъ? указалъ я на рыжую, красивую кобылу съ страшно утолщенной задней ногой.

— Это неважно, успокоительнымъ тономъ отвѣтилъ старшій наѣздникъ. Обыкновенно лошади эти осенью участвуютъ въ парфорсныхъ охотахъ, во время которыхъ и получаютъ ушибы. Худ-

шихъ изъ нихъ потомъ продають въ ту же осень съ аукціоннаго торга, а лучшихъ оставляють для завода.

— А кто же на нихъ ѣздитъ во время охоты? заинтересовался я.

— Много офицеровъ прїѣзжаетъ на охоты изъ Сталуппенена и другихъ мѣстъ и подъ нихъ назначаютъ люшадей...

Табунъ жеребятъ-годовиковъ попался намъ навстрѣчу; около 200 штукъ шли тѣсною кучею. Общій видъ жеребятъ былъ хорошій.

— Молодежь, усмѣхнулся съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ, какъ будто говоря о дѣтяхъ, провіантмейстеръ. Шалуны, добавилъ онъ любовно, отгоняя нѣсколькихъ близко къ нему подошедшихъ. Весну, лѣто и осень они, на отведенныхъ для этой цѣли поляхъ, ходятъ годъ съ матерями, а потомъ одни. Зимой же ихъ во всякую погоду выгоняють для прогулки въ открытомъ мѣстѣ, а если уже очень холодно, тогда въ манежѣ, подъ навѣсомъ.

— Теперь мы посмотримъ заводскихъ жеребцовъ, указалъ онъ на красивые павильоны, видѣвшіеся въ различныхъ мѣстахъ, въ значительномъ другъ отъ друга разстояніи.

Всѣхъ павильоновъ десять и въ нихъ стоитъ по три жеребца въ каждомъ. Заводъ ежегодно покупаетъ производителей чистокровныхъ англійскихъ жеребцовъ для улучшенія породы. Въ Англии, Ирландіи, Франціи и даже въ Россіи пріобрѣтаются особенно интересные экземпляры.

Красивый павильонъ съ входомъ въ видѣ арки былъ раздѣленъ на три отдѣленія, причемъ, помимо входа черезъ двери, выходившія въ середину, въ каждомъ отдѣленіи была дверь для входа въ особый обнесенный заборомъ загонъ, отведенный для каждаго жеребца, величиною около десятины съ бархатною зеленою травою. — Двери въ загонъ цѣлый день отворены и жеребецъ можетъ, когда захочетъ, войти въ конюшню и лишь на ночь его загоняють въ нее.

Вотъ здѣсь какъ разъ стоятъ: «Мистеръ Макбетъ», семи лѣтъ, рыжій, изъ Ирландіи, «Белью», рыжій, изъ Франціи. Далѣе, «Померъ-Штернъ», вороной, свой Тракененскій, 12 лѣтъ, «Месье Габріель», 21 годъ, изъ Франціи.

Полюбовавшись чуднымъ устройствомъ каждаго отдѣленія со стѣнами изъ бѣлыхъ кафелей, цементными кормушками, но съ постоянною мягкою подстилкою, мы не могли не замѣтить, что

«Белью» былъ совершенно безъ ногъ, а «Месье Габриель» — со слабою растянутою спиною. Лишь красавецъ «Померъ-Штернь» заставилъ насъ долго на него любоваться.

Зданіе новой конюшни на двадцать четыре жеребца съ элеваторомъ, обширнымъ манежемъ позади, съ массою свѣта, чудною вентиляціею, вызвало прямо зависть. Длинный коридоръ съ каменными полами, баки для воды. Конюшня эта еще не принята комиссіею.

Далѣ снова павильонъ. Жеребецъ «Рейнгардъ II», 5 лѣтъ, вороной, изъ Франціи. «Бильофте», 9 лѣтъ. «Тендеръ», 5 лѣтъ, Тракененскій. «Е. Бложе», 7 лѣтъ, изъ Франціи. «Ноназептъ», 12 лѣтъ, сѣрый, кровный арабъ. «Шату», 7 лѣтъ, сѣрый, изъ Англии. «Ингришъ», 14 лѣтъ, Тракененскій. «Моргенштраль» 16 лѣтъ, Тракененскій. «Шильфа», 6 лѣтъ. «Тореадоръ», собственность графа Шпонека. «Тангейзеръ», 4 лѣтъ, Тракененскій.

Полюбовавшись на нѣкоторые экземпляры, мы направились къ зданію, по дорогѣ заглянувъ въ большую казарму, служащую для размѣщенія холостыхъ кнехтовъ и служителей.

Круторогіе, сѣрые, напоминающіе малороссійскихъ, волы везли намъ навстрѣчу большой возъ клади. Наше ярмо отсутствовало и вмѣсто него на лбу, привязанная къ рогамъ, лежала деревянная колодка, отъ концовъ которой протянулись къ постромкамъ цѣпи. Волы легко везли тяжелый грузъ, благодаря раціональному устройству запряжки.

— Все это принадлежит имѣнію, съ ноткою гордости указалъ графъ Шпонекъ, показывая свои владѣнія. Мы много сѣемъ травъ, люцерны, пшеницы и вообще все имѣніе даетъ казнѣ большой доходъ, исполняя въ то же время свое специальное назначеніе. Сюда же пріѣзжаютъ учиться тѣ офицеры, которые желаютъ посвятить себя въ будущемъ службѣ по коннозаводству. Исполняютъ они различныя должности въ теченіе одного—двухъ лѣтъ, а затѣмъ и переводятся по открытіи вакансій.

Поблагодаривъ за доставленное удовольствіе, мы направились дальше, заглянувъ въ другія имѣнія, гдѣ встрѣтили почти тѣ же самыя картины.

Къ станціи Гурненъ автомобиль подошелъ одновременно съ поѣздомъ, что дало мнѣ возможность тотчасъ же сѣсть въ вагонъ

и направиться по желѣзнодорожной линіи Сталуппененъ—Гольдапъ до Маркграбова.

Узкоколейнаго типа вагоны были малы и тѣсны и, привыкши къ комфортабельнымъ вагонамъ русскихъ дорогъ, они намъ казались крайне неудобными.

Два офицера пѣхотнаго полка и помѣщикъ оказались моими спутниками.

Раскланявшись при входѣ, я занялъ мѣсто.

Мы сидѣли молча, порою бросая другъ на друга испытующіе взгляды; наконецъ, одинъ изъ офицеровъ, страшно коверкая русскій языкъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ, куда я ѣду.

Черезъ минуту, получивъ отвѣтъ по-нѣмецки, мы разговорились.

Нѣмцы высказали удивленіе, что русскіе офицеры, въ большинствѣ случаевъ, знаютъ европейскіе языки.

— У насъ мало людей, говорящихъ по-русски, и лишь послѣдній годъ русскій языкъ стали преподавать въ учебныхъ заведеніяхъ, поэтому офицеру, желающему изучить его, приходится начинать съ самаго начала, а это очень трудно.

— А развѣ многіе его изучаютъ? поинтересовался я.

— Да, теперь многіе желаютъ получить командировку въ Россію для изученія языка, а по выдержаніи экзамена—премію. И поэтому учатся и офицеры, и чиновники. Но только очень трудно изучать всѣ азіатскіе языки, къ которымъ относится также русскій, сдѣлалъ старшій очень оригинальное замѣчаніе.

Въ то же время цѣлымъ рядомъ вопросовъ оба они показали, что они отлично освѣдомлены обо всемъ, касающемся русской арміи.

— Пожалуй, скоро война можетъ начаться, неосторожно проговаривается Н.

Въ глазахъ капитана появляется какъ бы смущеніе, но черезъ мгновеніе оно исчезаетъ и онъ вполнѣ опредѣленно заявляетъ:

— Мы готовы въ каждую минуту выполнить волю императора.... но только.... Зачѣмъ нужна эта война? Германія съ Россіей всегда жили въ дружбѣ, заканчиваетъ капитанъ, вновь обнаруживая какое-то колебаніе и неувѣренность. У васъ хорошая армія—не хуже нашей.... Но все-таки мы всегда были друзьями.

— Военные всегда готовы воевать, но наши бюргеры войны не хотятъ, совершенно неожиданно вмѣшивается лейтенантъ, тот-

часть же сконфуженно умолкая подъ неодобрительными взглядами капитана.

Обработанныя поля между тѣмъ стали чередоваться съ значительными пространствами заливныхъ луговъ, превращенныхъ въ нихъ путемъ канализаціи изъ торфяныхъ болотъ.

Высокій мостъ надъ небольшою рѣчкою мелькнулъ передъ нами и въ то же время вдали показалась полоса лѣсовъ.

— Сейчасъ будетъ станція Гроссъ-Роминтенъ: это собственное имѣніе императора Вильгельма, сказалъ помѣщикъ. Огромные лѣса и сюда каждый годъ пріѣзжаетъ императоръ на охоту и живетъ двѣ-три недѣли въ своемъ охотничьемъ замкѣ. Вотъ этотъ длинный навѣсъ на столбахъ служить для постановки императорскаго поѣзда, добавилъ онъ, а напротивъ павильонъ—для остановки императора.

Поѣздъ, постукивая по рельсамъ и остановившись около станціи, ничѣмъ болѣе кромѣ небольшого павильона, не выдѣлявшейся изъ числа другихъ станцій, черезъ минуту уже несся далѣе, среди густого сосноваго лѣса, протянувшася по лѣвой сторонѣ и оголоженнаго изгородью.

— Дичи здѣсь много: кабановъ, оленей, фазановъ и зайцевъ. Больше десяти тысячъ десятинъ земли, очень богатое помѣстье, но замокъ небольшой и императоръ въ немъ живетъ совсѣмъ просто, какъ каждый помѣщикъ, сообщилъ мнѣ одинъ изъ офицеровъ. На охоту же приглашаются сосѣдніе помѣщики, ландратъ и офицеры изъ роты, которая вызывается на охрану.

Поля снова смѣнили лѣса, и снова замелькали вдали то шоссированныя дороги, то помѣстья съ винокуренными заводами, то красивыя постройки, фольварки, или деревни: на всемъ лежалъ отпечатокъ порядка и благосостоянія. Видно, что отлично обработанная земля приносила большіе доходы, дававшіе возможность такъ хорошо содержать крестьянскія усадьбы.

Офицеры надѣваютъ сверхъ пальто свои сабли. На вокзальной платформѣ виднѣтся оркестръ пѣхотнаго полка.

— Кого это встрѣчаютъ? задалъ я вопросъ капитану.

— Меня и мою роту, которая возвращается изъ командировки, съ большимъ достоинствомъ отвѣчаетъ старшій изъ офицеровъ, прощаясь въ то же время со мною.

Оркестръ играетъ громкій маршъ. Изъ заднихъ вагоновъ начинаютъ выходить солдаты въ походныхъ зеленовато-сѣрыхъ мунди-

рахъ и такихъ же фуражкахъ безъ козырька, съ кожаными рапцами и ружьями въ рукахъ.

Толстый фельдфебель выстраиваетъ ихъ по четыре на средней платформѣ. Среди людей идутъ разговоры, слышится смѣхъ, перебранка. При приближеніи ротнаго командира со своими офицерами говоръ стихаетъ, фельдфебель что-то докладываетъ, приложивъ два пальца къ козырьку, но тотчасъ же ихъ отнимаетъ и стоитъ довольно свободно. Никакой команды, никакой подтянутости.

Я невольно удивленъ этой картиной.

Оркестръ становится впереди и рота идетъ въ городъ. Люди идутъ растянувшись и безъ всякаго равенія.

Въ теченіе двухъ часовъ мы осматриваемъ городъ, паркъ, магазины съ большими витринами и, усталые, заходимъ въ первый попавшійся ресторанъ, гдѣ занимаемъ столикъ.

Несмотря на ранній часъ, всѣ столики заняты посѣтителями и уставлены куфелями пива. Разговоры ведутся вполголоса и вся публика отличается большою благовоспитанностью. Каждый входящій громко говоритъ привѣтствіе, а уходя со всѣми раскланивается. Нѣсколько нижнихъ чиновъ входятъ въ помещеніе и, отдавъ честь сидящимъ тутъ же офицерамъ, занимаютъ мѣста не вдалекѣ отъ нихъ.

Вся картина непривычна для русскаго глаза.

Молодой уланскій офицеръ, отдавъ всѣмъ честь, входитъ въ залъ, придерживая свою саблю, и, высмотрѣвъ свободное мѣсто за нашимъ столикомъ, останавливается около меня.

— Вы позволите присѣсть? обращается онъ ко мнѣ, съ замѣтнымъ любопытствомъ разсматривая русскую форму.

— Я говорю по-русски, заявляетъ онъ черезъ минуту, спросивъ для себя куфель пива. Какой на васъ чинъ есть?...

Я удовлетворяю его любопытство. Офицеръ вскакиваетъ и, рассыпаясь въ извиненіяхъ, что не могъ различить штабъ-офицера, называетъ себя лейтенантомъ фонъ Пр.

Я обращаю его вниманіе на нижнихъ чиновъ, сидящихъ не принужденно не вдалекѣ.

— Да, это разрѣшается у насъ. Они лишь обязаны, входя, отдать честь и испросить разрѣшеніе у старшаго изъ офицеровъ. Я знаю, въ русской арміи этого нѣтъ, но мы должны были сдѣлать снисхожденіе демократической партіи. И, какъ видите, они ведутъ себя

вполнѣ прилично и случаевъ нарушенія дисциплины или же какихъ-либо проявленій невоспитанности не бываетъ. Имъ разрѣшается также посѣщеніе въ вокзалахъ комнатъ I и II класса.

Распростившись, мы стремимся на станцію, боясь пропустить поѣздъ. Нѣсколько автомобилей попадаетъ намъ навстрѣчу.

— Всѣ доктора имѣютъ автомобили, чтобы успѣвать объѣзжать своихъ больныхъ, указываетъ Ш., но каждый можетъ ихъ нанять; если хозяинъ самъ не ѣдетъ, то отдаетъ на прокатъ.

Почти около вокзала намъ пересѣкаетъ дорогу эскадронъ уланъ. Гнѣдые крупные кони. Красивая форма всадниковъ съ уланскими киверами на головахъ, пики съ флюгерами заставляютъ насъ остановиться, чтобы внимательнѣе рассмотреть эту блестящую кавалерійскую часть.

Мускулистые, съ крѣпкими ногами, лошади были около 4 вершковъ, въ рабочихъ тѣлахъ, за которыя у насъ бы отрѣшили командира эскадрона отъ должности, признавъ ихъ худыми. Прекрасно вычищенный сѣдельный уборъ, сіяющія металлическія части и чистое обмундированіе придавали эскадрону красивый видъ.

— Нельзя ли какъ-нибудь узнать, куда они идутъ? заинтересовался я, желая провѣрить вѣрность своего предположенія.

Пожилой унтеръ-офицеръ, съ повязкою фельдшера на рукавѣ и сумкою черезъ плечо, ѣхавшій отдѣльно сзади, на наше счастье остановился.

— Откуда вы возвращаетесь? спросилъ Н., подходя къ нему ближе.

— Съ проѣздки.... Теперь домой, бросилъ онъ неохотно фразу и, толкнувъ лошадь рысью, сталъ догонять свою часть.

До Маркграбова потянулись большія и маленькія озера, соединяющіяся между собою рѣчками.

Мѣстами вдаль виднѣлось полотно узкоколейной дороги съ бѣгающимъ по ней поѣздомъ. Небольшой паровозъ-кукушка, непрерывно автоматически звеня въ колоколь, тянулъ рядъ маленькихъ вагоновъ. Какъ на главной линіи, вездѣ было полное отсутствіе будокъ для сторожей, а на переѣздахъ лишь вывѣска съ надписью крупными буквами предупреждала объ опасности.

Начавшіяся сумерки постепенно закрыли окрестности, но изъ мглы зато стали мелькать огоньки электрическихъ фонарей, освѣщающихъ заводы.

Въ вагонахъ загорѣлся газъ, ярко освѣщая всѣ отдѣленія и со-

ставляя собою рѣзкую противоположность съ нашими полутемными, освѣщаемыми свѣчами вагонами второстепенныхъ линій. Поѣзда отходятъ отъ станцій безъ звонка и предупрежденій.

На всѣхъ платформахъ виднѣются цвѣтныя фуражки чиновниковъ и гимназистовъ, возвращающихся домой послѣ уроковъ.

Молодежь отличалась подтянутостью и выправкою.

Отъ Маркграбова мы уже ѣхали лошадьми до самой русской границы.

Дорога пролегла по берегу озера, протянувшася версть на пять вдлину, а затѣмъ пошла лѣсомъ, послѣ котораго нѣсколько версть открытаго пространства съ полянами и фольварками по сторонамъ отлично содержаннаго шоссе промелькнули совершенно незамѣтно.

Мы вновь въѣжаемъ на территорию Россіи, черезъ Бокларжевскій переходный пунктъ....

Д. Логофетъ.

